

Ло Дун, разумеется, был согласен. Он давно хотел, чтобы Е Тао покинул семью Чжоу, и не только потому, что Е Тао никогда не принадлежал этому месту, но и потому, что семья Чжоу отличалась от обычных. В такой богатой семье мало просто не иметь злых умыслов — другие могут не относиться к тебе так же. Ты можешь соблюдать границы и не домогаться чужого, но другие не обязательно будут следовать твоему примеру. Жадность часто делает сердца людей холодными, а то и уродливыми.

Образ Чжоу Юньси казался безобидным и не от мира сего, но на самом деле, после смерти Чжоу Цзыциня и его жены, он оказался в положении «виновного без вины», имея то, что вызывало зависть. Как к нему относились Чжоу Юньян с матерью — не говоря уже о Чжоу Цзыцине, который заботился о нем, но также подвергался подозрениям в скрытых мотивах. Даже если последнее было полной выдумкой, тот факт, что подростка несколько раз похищали, и каждый раз этому способствовал внутренний предатель, красноречиво говорил о положении Е Тао.

Ло Дун не желал другу богатства и почестей, он лишь хотел, чтобы тот провел оставшиеся дни, уже лишенные здоровья, в покое и легкости.

Однако уйти или остаться было нелегко. Е Тао не мог просто исчезнуть. Перед уходом он должен был дать объяснения Чжоу Цзыциню. Чжоу Цзыцинь выполнял волю отца, заботясь о сироте старшего брата. Если Е Тао пропадет без вести, это поставит Чжоу Цзыциня в положение неблагодарного человека, а Е Тао не мог так поступить. К тому же был Баобао. Ребенок был привязан к нему; за почти два года совместной жизни Баобао незаметно стал считать его чуть ли не родным человеком. Если Е Тао уходит, он должен все объяснить и ребенку.

— Ты когда собираешься открыть карты? Если Чжоу Цзыцинь не поверит, что его племянник давно умер, как ты планируешь поступить? Моих слов он все равно не поверит, пожалуй, еще и заподозрит, что я с тобой сбежать взбесился. — Ло Дун уже успел оценить безумную фантазию Чжоу Цзыциня. Тот подозревал, что у его племянника роман с женщиной. Ло Дун был впечатлен.

— До Нового года, точную дату сказать сложно. Сначала помоги мне подготовить несколько вещей. — Е Тао не беспокоился, что Чжоу Цзыцинь не поверит. Раньше он смог убедить Ло Дуна, что он Е Тао, теперь сможет убедить Чжоу Цзыциня, что он не Чжоу Юньси.

— Давай, говори.

Е Тао перечислил все, что могло пригодиться, и в конце добавил:

— Когда понадобится, позвоню.

— Хорошо, жду весточки. — Ло Дун был человеком, который всегда волновался. Е Тао еще не вернулся, а он уже планировал будущее. — Мне тебе квартиру прибрать? Потом няню поищу. Тебе сейчас здоровье не позволяет, за едой и бытом нужен глаз да глаз. — Отговорив, он вдруг почувствовал себя суетливой старушкой и невольно рассмеялся. — Я больше похож на няню, чем няня.

— Когда вернусь, угощу ужином.

— Ты мне уже сотню раз должен! Если будешь отдавать по чуть-чуть, я до собственной свадьбы буду тебя кормить.

— Неплохо, тогда я на свадьбу щедро подарю и еще раз вкусно угощу.

Ло Дун на том конце провода смеялся, но смех переходил в рыдания. Он не понимал, что на душе. Мужу так сентиментально — стыдно, он тер переносицу и, словно в шутку, сказал:

— Возвращайся. Если на женьшень денег не хватит, брат купит, на всю оставшуюся жизнь женьшень я тебе обеспечу.

Подобные слова Е Тао слышал много лет назад. Он знал, что это не шутка. Если однажды он ради этого больного тела разорится, Ло Дун будет помогать до последнего; если он умрет в одиночестве, Ло Дун организует его похороны.

Когда Ци Хэ вернулся с лекарствами, Е Тао читал молитвы. Лицо его было спокойным, глаза опущены, губы шевелились, но звука не было. Чашка чая с боярышником и атрактилодесом была допита, на дне остыл холодный осадок.

Ванна, хоть и полезна для тела, но и утомляет. Е Тао вышел из ванной и сразу лег спать. Сон был глубоким, но проспать до утра не удалось.

Глубокой ночью, когда сон был самым крепким, Е Тао разбудил Баобао. Увидев, что тот с трудом открывает глаза, Баобао быстро прижал лапку к его губам: «Тихо».

Свет из внешней комнаты пробивался через резную перегородку на кровать. Он не слепил, но Баобао от него дрожал.

Е Тао сел, глядя в сторону света. С этого угла был виден столик для чая и человек за ним.

Чжоу Цзыцянь, который перед ужином специально позвонил, что ночевать не будет, внезапно сидел там, рядом лежал открытый ларец.

Баобао был в панике, переводя взгляд с улицы на Е Тао, не зная, что делать.

Е Тао, поколебавшись, накинул одежду и встал с кровати.

Чжоу Цзыцянь, казалось, чувствовал себя плохо. Он оперся рукой о стол, другой массировал лоб, нажимая на переносицу.

Е Тао ступал так тихо, что заметили его, лишь когда он вышел. Взгляды встретились, Е Тао на секунду замер, а потом, под неотрывным взглядом Чжоу Цзыцяня, подошел и поднял пальто с пола.

Чжоу Цзыцянь явно выпил много: от него пахло алкоголем, глаза не были мутными, но краснота их была пугающей. Взгляд, полный сдерживаемой ярости, напоминал зверя в клетке, наблюдающего за слабым кроликом. Одним ударом он мог разорвать его, но сдерживал бешенство.

Даже спокойный Е Тао почувствовал холодок по спине. Рука, готовая накинуть пальто, замерла.

Чжоу Цзыцянь не шевелился, лишь странно усмехнулся. Улыбка появилась ниоткуда и быстро исчезла. Когда Е Тао понял, что сейчас не стоило к нему подходить, последние остатки самоконтроля Чжоу Цзыцяня были сметены волной гнева.

Е Тао почувствовал, как руку сжали, и его с силой прижали к столу.

— Ты не можешь вести себя прилично? Нужно, чтобы я тебе ноги-руки перебил и запер, чтобы ты успокоился? — Чжоу Цзыцянь сжимал его тонкую шею, глаза налились кровью. Все маски сорваны, скрытая жестокость вырвалась наружу, как у зверя, показавшего клыки — ужасно и опасно.

Е Тао, кашляя, пытался разжать пальцы на шее. Удушье заставляло уши звенеть, он не слышал и не мог понять, что говорил Чжоу Цзыцянь.

— Что он тебе внушил, что ты так все бросаешь? Он для тебя так важен, что все остальное — фигня? Ты что, с ума сошел?! — Чжоу Цзыцянь, спрашивающий, не сошел ли Е Тао с ума, сам был безумцем. Лицо, бывшее красивым, стало свирепым. Сила в руке росла с каждым словом.

Е Тао тяжело дышал, вены на лбу вздулись, лицо покраснело, а потом посинело. Он уже не мог удержать руку Чжоу Цзыцяня, лишь схватился за рукав и тянул вниз, из горла вырвалось невнятное:

— Чжоу Цзыцянь...

Он хотел сказать, чтобы тот успокоился, отпустил, но удушье усиливалось, голос не слушался.

В этот момент Баобао, оцепеневший от страха, наконец очнулся и бросился вперед, вцепившись когтями в руку дяди.

Чжоу Цзыцянь инстинктивно разжал пальцы и отступил.

Е Тао, кашляя, соскользнул со стола на пол, жадно хватая воздух. Воздух хлынул в легкие, удушье отступило, но начался жестокий кашель и рвота.

Баобао встал перед Е Тао, готовый к атаке, с угрожающим шипением.

Чжоу Цзыцянь смотрел на них, пока Е Тао, опираясь на пол, с трудом не сел. Только тогда он словно очнулся, наклонился помочь Е Тао.

Баобао слишком напрягся и, когда Чжоу Цзыцянь протянул руку, подумал, что тот снова нападает, и действовал на опережение.

Баобао прыгнул и ударил по подбородку Чжоу Цзыцяня. Тот застонал от боли и отшвырнул кота. Разница в силах была огромной: Баобао отлетел и ударился о ножку стола. Ему показалось, что кости переломаны.

Чжоу Цзыцянь воспользовался моментом, поднял Е Тао и, полуобнимая, спросил, не ранен ли тот, в глазах — тревога и забота.

<http://bllate.org/book/17687/1650240>